

## Евгений Евтушенко

### *Володя Морозов*

Как я помню Володю Морозова?

Как амура,

кудрявого,

розового,

С голубой алкоголилкой глаз.

Он кудрями,

как стружками,

тряс.

Сам себя доконал он,

угробил,

И о нем не тоскует Москва, -

Разве только Марат, или Роберт,

или мать,

если только жива.

Помнит Витек, наверное, в Польше,

И читают стихи его вслух,

может пара -

и вряд ли что больше —

бывших девочек,

ныне старух.

Он поэтом не стал знаменитым.

Оказался собою убитым.

Мы – чисты.

Но во все времена

Все убитые –

наша вина.

Мне на кладбище в Петрозаводске,

Где Володя, -

никто не сказал.

Думал –

может, он сам отзовется.

Ну а он промолчал.

Наказал.

**Елена Николаева**

***И снова о Морозове***

*Мне на кладбище в Петрозаводске*

*Где Володя – никто не сказал.*

*Думал, может, он сам отзовется.*

*Ну а он промолчал. Наказал.*

*Е. Евтушенко*

Он бы вам отозвался, Евгений,  
Он приходу был вашему рад,  
Но за вами подобием тени  
Шёл его очернитель – собрат, -  
Нынче другом себя окрестивший,  
Сплетник, циник, злослов, интриган,  
И со смертью ему не простивший  
Его звонкий и смелый талант.  
Сделав скорбную мину и позу,  
Изрекая заведомо ложь,  
Знает он, что не сгинул Морозов,  
Что читает его молодежь!  
И что пил он не так уж и много,  
Да не смог увернуться от бед...  
А в толпе кто-то молвил, что Богу  
Тоже нужен хороший поэт.  
Вам Володя простил эти строки,  
Хоть обиду таить и не стал,  
Ведь при жизни их злые истоки  
Он не раз на себе испытал.  
Вам ли знать – как тому капитану,  
Что бессонно стоит у руля,  
Кто же там на пути к океану  
Прилипает ко дну корабля!  
Без свидетелей сказано слово,  
Бог не выдаст, авось и сойдёт...  
Но у слова закону суровы:  
Зло посеял – добром не взойдёт.  
И какая же выгода в этом –  
Грязь тому, а другому елей?  
Ведь не станешь хорошим поэтом,  
Хоть помоями прочих залей!  
Не прославлен стихами, ни прозой,  
Век пасётся у славы чужой...  
А со снимков смеётся Морозов –  
Молод ликом, строкой и душой!

**Марат Тарасов**

*Памяти Владимира Морозова*

Сквозила в глазах и движениях,  
Таилась в излучинах слов  
Доверчивость русских блаженных,  
Понятливость русских плутов.

Зачинщик ночных катавасий,  
Кудесник, насмешник, нахал,  
Он скопищем диких фантазий  
Жилище свое заседал.

С ударом ладони о донце  
Распахнута настезь душа,  
И в кружки налитое солнце  
Запенилось, хмелем душа.

Среди небогатой пирушки  
Славянский витийствовал джинн,  
И сведений скудных верхушки  
Сверкали снегами вершин.

И в лившемся буйно веселье,  
Ребячливом лишь до поры,  
Был дух приворотного зелья  
И привкус рискованной игры.

Неведомой смерти далекость,  
Затейливый узел петли  
Казались забавны, как фокус,  
Совсем не пугаясь, влекли.

Звезда изменяла орбите,  
Не зная сама почему,  
И с неба незримые нити  
Протягивал кто-то ему.

А сумрак застенчиво лился  
В раскрытое настезь окно  
И медленно скрадывал лица  
И только не трогал одно.

## Юрий Башнин

Бой часов – как удары сабель.  
Перерублен канат – и прочь  
Одинокий плывет корабль  
В бесконечно седую ночь...  
Паруса наполняя дыханьем  
И скользя по ленивой волне,  
Тихим блеском своим и дыханьем  
Эта ночь отразилась во мне.  
В ней была и тревога и него.  
И кружилась тогда голова.  
На серебряных ребрах Онего  
Еле виделись нам острова.  
Ветер пел. За трехверстною далью  
Часто-часто мигал огонек  
И взывал с неизбывной печалью,  
Чтоб скорей загорелся восток.  
Он томился, бледнел, но не вымер.  
И в такую же белую ночь  
Я тебя вспоминаю, Владимир.  
Ты мне счастья опять напророчь...  
Ночь такая печалит и манит.  
И на время замкнуться велит,  
И невольно надеждою ранит,  
И нечаянно гибель сулит.  
Ты смотрел на могучие реи,  
Где, холсты выгибая дугой,  
От трепещущей влаги сырея,  
Несся ветер холодный, тугой.  
Ты смотрел и поддерживал мило  
Непокорный и вьющийся чуб,  
И улыбка никак не сходила  
С твоих твердых мальчишеских губ.  
Ты читал мне вполголоса строчки  
О начале грядущего дня.  
Дивных, солнечных ритмов цепочки  
До сих пор увлекают меня.  
А когда медногорлой синеной  
Оглашался лиловый рассвет, -  
Ты со мной обнимался, Поэт.  
Кареглазый, мечтательный. Сходу  
Крепко жал ты мою пятерню.  
Все хвалил – и детей, и погоду,  
И девчат, и чужую родню.  
Ты здоровался весело с теми,

Кто с утра на работу спешил.  
Я их вижу в последней поэме.  
Ты её невзначай завершил.  
Тебя ждали известность и слава.  
Вот сейчас ты, готовясь в бои,  
Нам с картавинкой скажешь лукаво:  
- До свидания, други мои!..  
...Бой часов – как удары сабель.  
Перерублен канат – и прочь  
Одинокий плывет корабль –  
Белый призрак – в седую ночь.

**Николай Фёдоров**

*Памяти Владимира Морозова*

Скучаю ли,  
Сижу ли я за чаем,  
Шагаю ли дорогой столбовой,  
Всё жду и жду, когда придёшь, качая  
Своею златокудрой головой.

Когда я снова голос твой услышу,  
Знакомый нашим рекам и лесам.  
Когда стихи такие же напишут,  
Какие только ты один писал.

**ОЛЕГ МИШИН**

**ПОЭТЫ**

(Отрывок из поэмы)

Душа хотела б быть звездой.  
*Ф. Тютчев.*

Пусть тыщи строк моих – на дно,  
Чтоб быть одной на берегу.  
*Б. Шмидт*

И сердце на ладони своей несу.  
*А. Титов*

Звону звездному чутко внимая,  
город спит, подперев небеса.  
Я поэтов-друзей вспоминаю,  
слышу давние их голоса.

В сон и явь они снова приходят.  
Души их, прилетая из мглы,  
дней былых вереницу приводят,  
дней былых, что черны и светлы.

Дети яростных лет диктатуры  
и мальчишки военных годов,  
мы искали у литературы  
окрыляющих верою слов.

Где-то в пудоожской тьме, в захолустье  
мне пригрезились звездные сны.  
Шел и шел я вдоль Водлы и Устья  
слушать грохот онежской волны.

Из руин поднималась Россия.  
Пели дерево, камень, металл.  
Но запомнились вехи другие:  
тихий Пудоож.  
«Анастасия Фомина» - я поэму читал.

День вставал, по-весеннему розов,  
чуть дрожала газета в руке.  
Это имя - Владимир Морозов! –  
было звонким, как лед на реке.

Я читал с упоением сладким.  
Слово лилось, звучало само:  
«... от сестренки,  
от школьницы Татки,  
в институт... заказное письмо».

В городке нашем провинциальном,  
краем пудоожским восхищен,  
в педучилище в день свой прощальный  
повстречался с «поэтами» он.

Мне мгновенья запомнились эти,  
принял их как начало начал:  
он стихи мои плюсом отметил,  
чуть картавя, строку прочитал.

По душе бескорыстье такое.  
Я навек его словом согрет.  
Восторгаться чужою строкою  
может лишь настоящий поэт.

Молодой, но уже именитый,  
молодыми поэтами он  
был всегда, словно верною свитой  
иль охраной своей, окружен.

Помню снежного вечера сумрак.  
Мы проходим по «Ленина» вверх.  
Пес - за нами.  
В глазах его умных –  
Грусть такая!!!  
Почти человек!

Мы дошли до дверей ресторана.  
(Пес к ноге его грустно приник).  
Он сказал так печально и странно:  
«Мы не встретимся больше старик!»

«Почему?» - я не задал вопроса.  
Время шло.  
Все казалось: вот-вот  
он, красивый и русоволосый,  
из толпы мне навстречу шагнет.

Не шагнул он навстречу ни разу.  
Из Москвы возвратился в гробу.  
И оплакивал ветер февральский  
его раннюю смерть и судьбу.

Провожали его без оркестра  
(не положен - для самоубийц!).  
Это было подобьем ареста  
навсегда. И того не забыть:  
даже стихла февральская вьюга,  
снег повсюду, как саван лежал.  
Над могилою русского друга  
Тайсто Сумманен слово держал.

И сердца обжигало слезами,  
и немела небесная твердь.  
«Самых лучших, талантливых самых  
смерть уносит, неправая смерть!»